

Вздорнов Г. ГАХН в контексте современной науки //
Вопросы искусствознания. 1997. №2. С. 5-6

В Государственном институте искусствознания состоялась конференция, посвященная уникальному научному учреждению, которое существовало очень недолго, но оставило по себе добрую память. Дерзкие идеи и направленные в будущее исследовательские проекты, созревшие в недрах Государственной Академии Художественных Наук, дали плодотворные всходы уже в 20-х годах, и мы можем смело сказать, что обращение современной науки к опыту ГАХН невольно расшевеливает умы ученых, дает нам в руки мощный инструмент для исследования многих явлений художественной культуры: живописи и музыки, архитектуры и скульптуры, литературы и театра, философии и социологии, психологии и физиологии творчества, поэтики и эстетики, художественной промышленности и библиографии. Даже то, что было заслушано на конференции, показывает чрезвычайную разносторонность деятельности ГАХН и выводит наши представления о научно-художественной жизни 20-х годов на качественно новый уровень.

ГАХН возникла по совершенно конкретному поводу: Главный художественный комитет при Народном комиссариате по просвещению — орган не научный, а скорее даже цензурный и административный — нуждался в квалифицированном научном аппарате, который определял бы политику государства в области разнообразных искусств, бурно развивавшихся на волне революционного подъема. Такой консультативный орган был создан первоначально в виде Научно-художественной комиссии, а следом за нею и Государственной Академии Художественных Наук. День ее настоящего рождения приходится на 7 октября 1921 года, и конференция запоздала всего лишь на месяц с небольшим к ее 75-летию юбилею.

Основатели ГАХН, вероятно, даже не предполагали, что она вырастет в крупное научное учреждение. Задачи и цели Академии оказались настолько привлекательными, что она объединила в себе замечательные научные силы — таких ученых и художников, чьи имена навсегда вошли в историю русской да отчасти и мировой культуры. Уже на заре существования Академии прозорливые люди ясно понимали, что она начинает свою деятельность как альтернативное научное сообщество — альтернативное по отношению к Российской Академии наук.

И в самом деле: Государственная Академия Художественных Наук разрабатывала такие дисциплины, которые были слабо представлены в РАН. Если не говорить об Отделениях истории и филологии, русского языка и словесности, куда в разное время выбирали лингвистов, историков и литературоведов, не чуравшихся исследований по истории искусства и археологии (назову для примера Ф.И.Буслаева, Н.П.Кондакова, В.Н.Щелкина и Н.П.Лихачева), РАН не принимала в свои ряды представителей «несерьезных» наук, как, скажем, музыка, живопись, социология или философия. Точное знание отвергало все, что прямо или косвенно было связано с эмоциональной стороной науки. Тут-то и появилась ГАХН, и она заполнила зияющую лауну, которой не замечала официальная и достаточно консервативная Российская Академия наук.

Если РАН имела местом своего пребывания Петербург—Петроград—Ленинград и члены Академии были обязаны жить там, где находились президент и секретариат РАН, то ГАХН была чисто московской по составу и направлению научной мысли. Немногие попытки координировать работу с деятельностью близких ей по духу ленинградских учреждений — например, Института истории искусств, руководимого сначала В.П.Зубовым, а затем Ф.И.Шмитом, — успеха не имели, ГАХН так и осталась действительно московской организацией. В значительной мере это определялось и соответствием ее именно московской жизни — жизни, более непосредственной и лишенной официальной холодности, какую всегда источал императорский Петербург.

Тематика конференции отражала далеко не все, что имело место в истории ГАХН. Отдельные и притом весьма примечательные страницы ее летописи пока еще не нашли своих исследователей. Но хочется выразить надежду, что мы станем свидетелями и участниками еще одной конференции на эту тему и восполним имеющиеся пробелы в нашей информации о ГАХН.

Г.Вздорнов